

ЛАНДШАФТ КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ

Ольга Александровна Лавренова,

доктор философских наук, кандидат географических наук,
ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных исследований пространства
Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва
E-mail: olgalavr@mail.ru

В статье анализируется метафорическая природа взаимоотношений культуры и пространства. В когнитивной теории метафоры ландшафт может рассматриваться как источник метафорической проекции. В большинстве случаев собственно ориентационные метафоры делают абстрактное понятие пространственным, поскольку строятся по аналогии с восприятием пространства. Географическое пространство выступает в роли метафоры – как категория структурирования мысли.

Ключевые слова: метафора; культурный ландшафт; семантика.

УДК 910.1:81'373.612.2

Метафоры в современной когнитивистике – это один из инструментов понимания мира. Они «наглядно выражают для всех носителей данной культуры основные ценностные установки и ориентации общества» [Гусев 2002: 219]. Метафоры можно рассматривать «как средства представления символов в культурном сознании» [Порус б.г.].

Семантика метафорического образа укоренена в его генезисе, уходящем в глубины архетипальных и ценностных слоёв культуры. А. Ричардс в работе «Философия риторики» (1936), опираясь на традицию, идущую от Вико и Гердера, на представления Шелли и Кольриджа о метафорической основе языка [Гогоненкова 2004], о его погруженности в культуру, определяют метафору как некий *первопринцип* языка, его концептуальную первооснову: «Метафорические процессы в языке, взаимообмен между значениями слов, который мы наблюдаем, изучая эксплицитные метафоры, накладываются на воспринимаемый нами мир, сам по себе также являющийся продуктом более ранней или непредумышленной метафоры» [Ричардс 1990: 56]. Дж. Лакофф и М. Джонсон развили эту мысль, утверждая, что метафора не ограничивается лишь сферой языка – процессы мышления и понятийная система в целом в значительной степени метафоричны, и метафорическая структура основных понятий во многом определяет наиболее фундаментальные культурные ценности [Лакофф, Джонсон 1990: 404]. С середины 1980-х годов метафора рассматривается не столько как сравнение, сколько как основная ментальная операция, как способ познания, структурирования и объяснения мира [Чудинов 2001], а также как способ его категоризации и концептуализации. Изучение этой ментальной операции выводит исследователей на *базисные* структуры мышления, на процессы формирования «не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [Арутюнова 1990: 6]. В нём, безусловно, есть место и *пространственным* представлениям. Познание через метафору неизбежно включает в себя образ, чувство и эмоцию – возможно, как реакцию на этот образ.

Два базовых свойства метафоры – *сходство и различие* понятий, объектов, семантических полей – также обсуждается среди сторонников когнитивной теории, поскольку эти свойства также связаны с познавательными процессами и строением мышления и языка. Смысловый зазор между сходством и различием даёт приращение смысла, которое и может рассматриваться как познавательный процесс.

Метафоризацию можно представить как биполярное взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» (*source domain*) и когнитивной структуры «цели» (*target domain*). При этом происходит частичное структурирование цели по образцу источника – «метафорическая проекция» (*metaphorical mapping*) или «когнитивное отображение» (*cognitive mapping*) [Lakoff 1990; Turner 1990; Баранов 2008; Будаев 2007]. В результате такой проекции цель становится более понятной или понятийно организованной так, чтобы быть доступной сознанию, структурированному кодами и рамками определённой культуры. В этом и состоит сущность *когнитивного потенциала метафоры*.

Иногда возможно *обратное* направление метафоры. Например, метафора «жизнь – это река» вполне может корреспондироваться с метафорой «вода – это жизнь». В большинстве же случаев инверсия источника и цели *невозможна*.

Обе упомянутые метафоры имеют вполне определённые *ландшафтные коннотации*. Пространство (в частности, доступное человеку *географическое пространство*) и опыт взаимодействия с ним выступают как основа метафорики языка, как основа *пространственных метафор* и связанных с ними образных конструктов и фреймов сознания. В самом языке заложена пространственность – «язык синтагматичен (реализуется через «протяжённость», «наличие» и «метонимию») и в то же время систематичен (предполагает «ассоциативность», «отсутствие» и «метафору»)» [Кристева 2000: 431]. Эти свойства языка позволяют проводить аналогии с культурным ландшафтом и культурным пространством.

В то же время теоретики семиотики вынуждены прибегать к пространственным метафорам, чтобы описать реальность языка: «...Особенность письма связана со сложным смыслом выражения «*пространственная разнесённость*»: это и диастема, и спатиализация времени, но также и выявление – в некоем исходном пункте – таких значений, которые необратимая линейная последовательность, движущаяся от одной наличной точки к наличной другой, всячески стремится вытеснить, хотя и не всегда успешно» [Деррида 2000: 363].

Итак, метафоры – это часть культурных кодов, определяющих в том числе и взаимоотношение человека и пространства. Если рассматривать *ландшафт* с точки зрения метафоры, то можно заметить, что его морфологические элементы (горы, реки, города, храмы, свалки и т.п.) выступают в двойственной роли. С одной стороны – как когнитивные структуры *источника*, определяя структуру некоторых онтологических концептов («жизнь – это река»). С другой стороны, если речь идёт о конкретных географических объектах, то они в метафорической проекции выступают в роли *цели*, как, например, «Волга – матушка» [Лавренова 2010].

Если ландшафт – это *источник*, он представляется *метафорической моделью* («гроздьё») сигнификативных дескрипторов [Баранов 2005; Баранов, Караулов 1994], М-моделью) для ряда понятийных концептов, включая базовые для использующей их культуры. Семантически связанные поля дескрипторов оказываются определяющими для ряда дискурсов, в частности, и для культурологического дискурса, оперирующего ландшафтными М-моделями. *Ландшафт выступает как пространственная развёртка значений*, концептов и соответствующих им знаков, проецирующихся для структурирования многочисленных понятий. Для М-модели ландшафта так же, как и для других подобных моделей характерна иерархическая упорядоченность – отдельные части ландшафта могут выступать в роли её элементов при сохранении их взаимообусловленности: в различных типах метафор предполагается, что реки впадают в моря, дороги ведут в города, горы возвышаются над долиной.

Ландшафт выступает как частный случай (в разных вариантах) более общих источников метафорической проекции – субстанции / количества вещества, пространства / вместилища.

Представления о структуре ландшафта в процессе метафоризации обобщают практический опыт жизни человека в мире. «Знания в области источника организованы в виде “схем образов” (*image schemas*) – относительно простых когнитивных структур, постоянно воспроизводящихся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью. К схемам образов относятся, например, такие категории, как “вместилище”, “путь”, “баланс”,

“верх – низ”, “перед – зад”, “часть – целое”» [Баранов 2008: 11], «внутри–снаружи», «правое–левое» и др. Большая часть этих категорий генетически связана не только с физическим опытом самоосмысления человеческого тела, но также с перемещением в пространстве, в городском или природном ландшафте.

В случае *структурной метафоры* одно понятие структурно упорядочивается в терминах другого. Это происходит в случае существования устойчивых соответствий между областью источника и областью цели, которые закреплены в языковой и культурной традиции. К числу концептуальных метафор европейской культуры относятся, например, «метафорические проекции ВРЕМЯ – ЭТО ДЕНЬГИ, СПОР – ЭТО ВОЙНА, ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ и др. Концептуальные метафоры могут образовывать согласованные концептуальные структуры более глобального уровня – “когнитивные модели”, которые являются уже чисто психологическими и когнитивными категориями, напоминающими по свойствам гештальты когнитивной психологии» [Баранов 2008: 11].

Метафорическая проекция, не будучи привязанной к конкретному ландшафту, неизбежно налагает отпечаток на его восприятие. Глядя на реку, человек подсознательно не может уйти от метафоры «жизнь – это река», если такая метафора действенна в его культуре.

Одна из метафор, структурирующая концепт времени – «время – это движение», и в частности, «время – это движение наблюдателя через ландшафт» [Kövesces 2002: 34], подразумевающая трудности пути, перепады высот. Схема образов, очень часто используемая в метафорах «путешествие / путь» подразумевает ландшафтную компоненту, преодоление препятствий, а в случае духовного пути – восхождение. Препятствия имеют коннотацию к пересеченной местности; восхождение подразумевает метафорический перенос структуры горного ландшафта.

Горный ландшафт, его свойство неравномерного распределения вещества, используется в качестве источника более сложных метафорических проекций. Так, в биологии существует графическая модель эволюции в виде рельефной карты – так называемый «адаптивный ландшафт». На модели горизонталями изображаются состояния генотипов и фенотипов, возможные по отношению к окружающей среде. Возвышенности показывают большую приспособленность особей к среде, впадины – меньшую. Трехмерные модели, выражающие количественные характеристики в виде горного ландшафта, сейчас распространены во многих областях науки.

В качестве *источника* метафорических проекций используется большинство элементов географического пространства: море, река, гора, возвышенность, лес (тёмный лес), степь, болото, город. Рассмотрим, например, *болото*. В языке и культуре некоторых европейских народов бытует метафора «тихая, не насыщенная событиями и смыслами жизнь – это болото». В обратном направлении, при взаимодействии с болотами в реальном ландшафте возникает вполне обоснованная смысловая коннотация «болото – это опасность, смерть». Этот метафорический перенос закрепляется в культуре в основном посредством литературы и кино. Только в отечественном кинематографе можно назвать несколько известных фильмов, где герои и антигерои погибают в трясине: «А зори здесь тихие», «Злой дух Ямбуя», экранизация английской детективной повести «Собака Баскервилей» и др. Тема *болота–смерти* возникает в американской экранизации «Властелин колец» Толкиена. Однако в традиционном американском кинематографе и литературе этой темы нет, поскольку заболоченные территории если и встречаются в изобилии на Аляске и во Флориде, то всё равно не играют сколько-нибудь важной роли в национальной культуре, ассоциирующей себя, прежде всего, со степями (прериями) среднего и дальнего Запада. Напротив, например, в российском и в английском ландшафтах и менталитетах болота – важный морфологический элемент, сигнификативный и денотативный дескриптор. При этом, на первый взгляд, неявная связь когнитивных структур «тихая жизнь – болото – смерть» может быть обнаружена, если вспомнить, что в русской культуре есть ещё и метафора «тихая жизнь – это духовная смерть».

Что касается *ландшафта как целостности*, то по отношению к нему в культуре работают механизмы превращения количественных характеристик в качественные. Это проявляется в дифференциации и разграничении территорий (даже там, где нет чётких естественных границ).

Отграничение некоторой территории, и проведение границ вокруг нее – это акт количественной оценки. У ограниченных объектов – людей, камней или территорий – есть размеры. Размеры можно оценивать количественно по тому количеству субстанции, которое эти объекты содержат. Канзас, например, ограниченное пространство и в силу этого – ВМЕСТИЛИЩЕ, поэтому мы можем сказать: «В Канзасе много земель» [Лакофф, Джонсон 2008: 55].

Ландшафт как таковой может рассматриваться как один из прообразов «вместилища» – одного из базовых концептов, использующихся как источник метафорической проекции.

Визуализация ландшафта – *пейзаж* – имеет непосредственное отношение к концептуальной метафоре «поле зрения». И поле зрения, и ограниченная в ходе ментальных операций территория трактуются как *вместилища*; это противоречит собственно ландшафтному концепту, который представляет собой структурную и онтологическую целостность. В этом отношении справедливо использовать одно из теоретических положений Дж. Лакоффа и М. Джонсона:

Мы концептуализируем поле зрения как вместилище, а то, что видим – как содержаемое внутри его. Само выражение ‘поле зрения’ наводит на эту мысль. Это вполне естественная метафора мотивирована тем, что когда мы смотрим на некоторую территорию (земельный участок, поле и т.п.), поле зрения определяет границу того, что мы видим [Лакофф, Джонсон 2008: 55].

Если же одна система организуется по образцу другой системы, и метафора организует всю систему концептов в отношении друг к другу, то речь идет об *ориентационной метафоре*. В большинстве случаев собственно ориентационные метафоры делают абстрактное понятие пространственным, т.к. строятся по аналогии с восприятием пространства. В таких метафорах концентрируются семность «верха – низа», «природного – культурного ландшафтов» и семность системы ценностей культуры.

Метафорические ориентации произвольны, «они основаны на нашем физическом и культурном опыте. Хотя полярные противопоставления “верх – низ”, “внутри – снаружи” и т.п. по сути являются физическими, основанные на них ориентационные метафоры различаются от культуры к культуре. Например, в некоторых культурах будущее находится как бы впереди нас, в других оно – за нами» [Лакофф, Джонсон 2008: 35].

Поскольку когнитивная топология *источника* в некоторой степени определяет способ осмысления *цели*, то можно сказать, что ориентационные метафоры структурируют культуру и язык в контексте пространственных фреймов.

Предположительно базовый физический опыт, порождающий ориентационные метафоры – преимущественно, телесный. Например, физическое основание метафоры «счастье соответствует верху; печаль – низу» состоит в том, что «склоненная поза человека обычно соотносится с печалью и депрессией, прямая поза – с позитивным эмоциональным состоянием» [Лакофф, Джонсон 2008: 36]. Ф. Уилрайт объясняет это так:

Все люди подвержены физическому закону тяготения, и поэтому идти вверх обычно более трудно, чем вниз; это делает естественную ассоциацию идеи восхождения вверх с идеей достижения, а также ассоциацию различных образов, коннотирующих высоту или подъем, с идеей превосходства, а нередко и привилегированного положения и власти. <...>

Различные образы, связанные в опыте с идеей «верха», такие как стрела, пущенная в воздух, звезда, гора, каменный столп, растущее дерево, величественная цитадель, стали означать (каковы бы ни были другие значения, которые могут быть приписаны тому или другому из соответствующих выражений) нечто, достойное возжелания, предмет устремления, то есть в некотором смысле Благо [Уилрайт 1990: 98].

В русском языке ландшафтные коннотации этой метафоры еще определеннее, поскольку существуют выражения: человек находится «на вершине счастья», или, напротив, «лёг на дно», «опустился», «скатился в пропасть». Физический и эмоциональный опыт, который универсален для большинства культур, выходит за рамки опыта телесных переживаний: поднимаясь на вершину холма или горы, человек испытывает эйфорию от раскрывающихся горизонтов, которая вполне может быть первичным опытом для рождения метафоры. Ориентационная метафора с гораздо большей вероятностью имеет физическим основанием опыт взаимодействия человека с ландшафтом. Метафора духовного жизненного пути как преодоления пересечённой местности и подъема в гору очень часто встречается в литературе, но только, пожалуй, у А. де Сент-Экзюпери в основе такой метафоры лежит очень яркий именно культурно-ландшафтный образ:

Всего важнее для человека – туго натянутые силовые линии, они держат его в напряжении, рождают рвение, усердие, одухотворённость, важны эхо, отзывающееся на каждый шаг, нужда в колодцах и трудность горного подъема. Тот, кто вскарабкается на вершину, ободрав колени и локти, не сравнит свою радость с умеренным удовлетворением оседлого, который в воскресный день втащил свои одряблые тела на пригорок и разложил их на травке [Сент-Экзюпери 1994: 322].

Силовые линии в данном случае – тоже метафора, означающая смысловое наполнение и напряжение пространства в контексте культуры. Не прожитое и не напряженное семантикой пространство сплошно, его физические характеристики – только повод для дальнейшего осмысления и понимания.

В более значительных образцах символического творчества – в частности, таких, которые оказывали на человека наибольшее религиозное и художественное воздействие, – «верх» и «низ» не выступают в чистом виде, но всегда сливаются с другими родственными идеями и образами: с опаляющим светом божественной мудрости, с одной стороны, и с хаотической тьмой муки, утратой и наказания – с другой. Но с понятием низа ассоциируется еще и второе символическое значение, оставившее меньше следов во фразеологии разговорного языка, но сыгравшее гораздо более значительную роль в мифопоэтическом творчестве. Ибо «внизу» указывает на щедрое лоно земли – праматери и кормилице всего живого. Контраст «верх – низ», когда он принимает более конкретную форму, относясь соответственно к небу и земле, легко поддается олицетворению... [Уилрайт 1990: 98–99].

Если в языке «счастье соответствует верху», то в метафорике художественных образов, преимущественно в кинематографе, мы не раз наблюдаем, как счастливый герой широко раскинув руки, падает на землю, реализуя одновременно образ благословляющего распятия и притягивания Матери-Земли. Естественно, этот телесный опыт, закреплённый кинематографом, возможен только в природном ландшафте, в чистом поле (лишённом леса), что обеспечивает одновременно физический и духовный контакт с Землёй и Небом.

Интересно также рассмотреть естественные коннотации схемы «правое – левое», в русском языке и культуре обладающей – в отличие от многих других бинарных оппозиций – аксиологической неравнозначностью. Правое ассоциируется с праведным, правым, а левое – с инфернальным началом, лукавством и ложью. В природе правый и левый вектор неравно-

значны. Асимметричность внутренней организации живых организмов, существование для них «правизны» и «левизны» определяет особое «состояние пространства», занятого телом живых организмов. Как писал В.И. Вернадский, живому веществу свойственно изменять законы евклидовой геометрии не только внутри организмов, но и в среде, заселённой ими:

Геометрически правизна и левизна могут проявляться только в пространстве, в котором векторы полярны и энантиоморфны. По-видимому, с этим геометрическим свойством связано отсутствие прямых линий и ярко выраженной кривизны жизни [Вернадский 1991: 24].

В пространстве живых организмов преобладает левизна – все белки обладают левым вращением плоскости света, и, как было доказано еще Пастером, все кристаллические соединения, входящие в состав яиц, зёрен и т.п. – *левые*, т.е. в их кристаллической структуре изотопы распределяются по принципу левой винтовой спирали. Однако все эти примеры – на микроуровне, не доступном традиционной культуре, породившей метафору с положительным значением на «правом» полюсе. Конечно, можно вернуться к положению Дж. Лакоффа и М. Джонсона о первичности телесного опыта, где правая рука выступает как ведущая. Однако есть ещё и ландшафтная коннотация, закреплённая в русской культуре. В ландшафте правизна и левизна более всего проявляется на берегах рек – в результате действия силы Кориолиса (отклоняющая сила вращения Земли вокруг своей оси) возникает перекося поверхности воды к правому берегу (в северном полушарии) [Богомолов, Судакова 1971: 113]. В результате правый берег реки в северном полушарии, как правило, более крутой, левый – пологий. Крутой берег реки – *яр* – в системе кодов русской культуры всегда более значим, чем также может объясняться и семантика метафоры «правое – левое», сходная с семантикой бинарной оппозиции «верх – низ».

Разнообразные ландшафтные «прообразы» можно найти для каждой ориентационной метафоры и для многих структурных, что свидетельствует о *значимости* ландшафта как источника метафорических проекций.

Итак, *сближение* семантических полей географических объектов и категорий культуры провоцирует *метафорический процесс*. Каждый ландшафт (со своими закономерностями и структурой) может рассматриваться как частный случай метафорической модели, и связанные с ним «гроздь» сигнификативных и денотативных дескрипторов метафоры одновременно образуют семантические «поля» в лингвистическом и культурологическом их понимании. Соответственно, реалии ландшафта и географического пространства оказываются *задействованными в конструировании языка культуры* посредством метафорической проекции.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
- Баранов А.Н. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: URSS, 2008. С. 7–21.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнёры, 1994.
- Баранов Г.С. Философия метафоры. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005.
- Богомолов Л.А., Судакова С.С. Общее землеведение. М.: Недра, 1971.
- Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Вып. 1. Екатеринбург, 2007. С. 16–32.
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
- Гогоненкова Е.А. Эпистемологический статус метафоры: экспозиция проблемы // Credo New. 2004. <http://credonew.ru/content/view/409/29/>.
- Гусев С.С. Смысл возможного. Коннотационная семантика. СПб.: Алетейя, 2002.

- Деррида Ж. Фрейд и сцена письма // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 336–378.
- Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
- Лавренова О.А. Культурный ландшафт как метафора // Философские науки. 2010. №6. С. 92–101.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / Пер. под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: URSS, 2008.
- Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры / Пер. под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 358–387.
- Порус В. Метафора и рациональность // Русская антропологическая школа. Б.г. <http://kogni.narod.ru/porus.htm>.
- Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры / Пер. под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 44–67.
- Сент-Экзюпери А. Соч. в 2-х тт. Т.2. Цитадель / Пер. с фр. М. Кожевниковой. М.: Согласие, 1994.
- Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры / Пер. под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 82–109.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.
- Kövesces Z. Metaphor. A practical introduction. N.Y.: Oxford University press, 2002.
- Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1(1). P. 39–74.
- Turner M. Aspects of the Invariance Hypothesis // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1(2). P. 247–255.